

Андрей Венедиктович Фёдоров, Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы), [1953] 2002, Москва: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, стр. 142-145

В практике перевода встречается ряд случаев, когда не воспроизводится совсем или заменяется формально далеким тот или иной элемент подлинника, пропускается то или иное слово, словосочетание и т. п., но невозможность передать отдельный элемент, отдельную особенность оригинала также не противоречит принципу переводимости, поскольку последний относится к произведению, как к целому. Конечно, целое существует не как какое-то абстрактное понятие, — оно состоит из конкретных элементов, которые, однако, существенны не каждый в отдельности и не в механической своей совокупности, а в системе, образуемой их сочетанием и составляющей единство с содержанием произведения. Отсюда возможность замен и компенсаций в системе целого, открывающей для этого разнообразные пути; таким образом, утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами, иногда и не заданными оригиналом.

Отправным моментом для определения роли отдельного элемента в подлиннике и необходимости его точной передачи, а также возможности или закономерности его пропуска или замены является соотношение содержания и формы в их единстве. Это единство служит также условием и предпосылкой переводимости в том смысле, что она осуществима только по отношению к произведениям, представляющим такое единство. Это означает, что принцип переводимости не может распространяться на различные формалистические эксперименты и трюки, лишенные содержания или нарочито затемняющие его предполагаемый смысл, на различную заумь, на произведения, представляющие распад формы.

Сформулированные ограничения принципа переводимости вытекают, таким образом, из характера языка как «важнейшего средства человеческого общения» (Ленин), с одной стороны, и из определяющего принципа диалектико-материалистической методологии — принципа единства содержания и формы, с другой.

Andrei Venediktovič Fedorov, Bazele teoriei generale a traducerii (probleme lingvistice), [1953] 2002, Moscova: FIOLGHIA TRI, pp. 142-145

În practica traducerii se întâlnesc numeroase cazuri în care un anumit element al originalului nu este reprobus deloc sau cazuri în care acesta este înlocuit printr-un element îndepărtat din punct de vedere formal, dar și cazuri în care se omite un cuvânt sau o sintagmă etc., cu toate acestea, imposibilitatea de a reda o unitate izolată, o particularitate a originalului nu contrazice principiul traductibilității, deoarece acesta se referă la opera în întregime. Firește, întregul nu există ca o noțiune abstractă – este constituit din elemente concrete, care însă nu sunt esențiale fiecare în parte sau în ansamblu, ci numai într-un sistem care rezulta din îmbinarea lor și care reprezinta un tot unitar împreună cu conținutul operei. De aici, decurge posibilitatea de înlocuire sau de compensare la nivelul întregului, pentru care se întrevăd căii variate. Pierderea unei unități izolate, care nu joacă un rol sistemic, poate să nu fie perceptibilă la nivelul întregului; am putea spune că se dizolvă în întreg sau se înlocuiește prin alte elemente, care, uneori, nici nu sunt prezente în original.

Raportul dintre formă și conținut, luat în ansamblu, reprezintă punctul de plecare pentru determinarea rolului unui anumit element din original, pentru stabilirea necesității de a-l reda exact sau a posibilității de a-l omite ori de a-l înlocui. Această corelație constituie, de asemenea, o condiție și o premisă a traductibilității, în sensul că actul de traducere este realizabil doar în operele în care există un asemenea raport. În consecință, principiul traductibilității nu se poate extinde asupra unor varii experimente și trucuri formale, lipsite de conținut ori care întunecă intenționat sensul propus, nici asupra a tot felul de absurdități sau considerații inutile, nici asupra operelor care ilustrează o decădere a formei.

Limitările formulate deja ale principiului traductibilității decurg, aşadar, din caracterul limbii ca „ mijlocul cel mai important de comunicare între oameni” (Lenin), precum și din principiul definitoriu al metodologiei materialist-dialectice, pe de o parte, și din principiul unității dintre formă și conținut, pe de altă parte.

Сейчас, на основе накопившегося практического и методологического опыта переводческой работы, возникает необходимость пересмотреть определения некоторых основных понятий перевода, в частности, понятия «адекватности». В этой же связи нелишним представляется уточнение вопроса о «формализме» в переводе. Последнее понятие в области перевода чаще всего применялось к случаям буквально точной, дословной передачи иностранного текста.

Буквализм всегда нарушает либо смысл подлинника, либо правильность языка, на который делается перевод, или же и то, и другое вместе. Понятие формализма здесь вполне применимо, но оно, как понятие отрыва формы от содержания, гораздо шире и может быть применено ко всем тем случаям, когда, стремясь передать определенные элементы формы сами по себе, т. е. вне их функции, переводчик не обращает внимания на содержание целого и на другие элементы формы, т. е. воспроизводит форму в отрыве от содержания или одни элементы формы в отрыве от других и в отрыве от содержания в целом. Проявлением формализма в переводе могут быть признаны те случаи, когда — независимо от характера целого, от его стилистических функций — подчеркиваются лишь определенные особенности оригинала, когда архаизмы во что бы то ни стало передаются архаизмами, варваризмы — варваризмами и т. п. Из этих определений явствует, что формализмом ни в коей мере не является сознательная забота о передаче формы как средства раскрытия содержания в соответствии со стилистическими возможностями языка перевода.

Опыт перевода в его удачах и неудачах служит постоянным доказательством его диалектического характера. Стилистическая и смысловая верность оригиналу достигается, как правило, не путем формально-дословной точности; стилистическая и смысловая неточность (если только она получается не вследствие ошибки — незнания или непонимания) постоянно бывает результатом слишком близкого следования подлиннику, некритического воспроизведения его словарно-смысловых и формально-грамматических элементов. Правдивый перевод (даже не особенно сложного текста) по существу представляет разрешение задачи, неосуществимой с точки зрения формальной точности.

Astăzi, pe baza experienței practice și metodologice acumulate în traducere, a apărut nevoia de a revizui definițiile unor noțiuni fundamentale traductologice, în special noțiunea de *adevare*. În legătură cu aceasta, nu ni se pare excesiv să precizăm și problema „formalismului” în traducere, care se aplică adeseori în redarea literală, cuvânt cu cuvânt, a textului străin.

Literalismul încalcă întotdeauna fie sensul originalului, fie corectitudinea limbii în care se face traducerea, fie și una și alta. Aici, noțiunea de formalism este aplicabilă pe deplin, dar, ca un concept al rupturii dintre formă și conținut, ea este mult mai amplă și se referă la toate acele cazuri în care, străduindu-se să redea anumite elemente ale formei ca atare, adică în afara funcțiilor lor, traducătorul nu ține seama de conținutul întregului sau de alte elemente formale, ci reproduce forma ruptă de conținut sau unele elemente ale formei rupte de alte elemente ale formei și rupte de conținut în totalitate. Ca o manifestare a formalismului în traducere se pot menționa acele cazuri în care – indiferent de caracterul întregului și de funcțiile sale stilistice – sunt accentuate doar unele particularități ale originalului, în care arhaismele se redau cu orice preț prin arhaisme, barbarismele – prin barbarisme și aşa mai departe. Din aceste definiții reiese că în niciun caz nu poate fi numită formalistă grija conștientă de redare a formei ca mijloc de dezvăluire a conținutului, în concordanță cu posibilitățile stilistice ale limbii traducerii.

Practica traducerii, cu toate succesele și eșecurile ei, dovedește în permanență caracterul ei dialectic. Fidelitatea stilistică și semantică față de original nu se obține, de regulă, prin exactitatea literal-formală; inexactitatea stilistică și semantică (dacă nu rezultă dintr-o greșeală, din necunoașterea sau neînțelegerea originalului) se obține întotdeauna prin respectarea prea strictă a textului originalului, prin reproducerea necritică a elementelor sale lexical-semantice și formal-gramaticale. În esență ei, o traducere autentică (chiar și a unui text mai puțin complicat) prezintă un obiectiv nerealizabil din punctul de vedere al exactității formale.

В целом ряде работ по теории перевода усиленно подчеркивалась относительность понятия «точности». Понятие это было взято под сомнение. Даже слово «точность» в применении к художественному переводу стало все реже употребляться в нашей теоретической литературе последних десятилетий. В этом нашел выражение верный в своей основе принцип отказа от попыток устанавливать какие-либо абсолютные соответствия между разноязычными текстами, оперировать какими-либо величинами, взвешивать и измерять. Вместо слова «точность» и выдвинулся термин «адекватность», означающий «соответствие», «соответственность», «соразмерность». Есть, однако, возможность заменить этот иностранный термин и русским словом «полноценность», которое в применении к переводу означает: 1) соответствие подлиннику по функции (полноценность передачи) и 2) оправданность выбора средств в переводе.

Методологическая важность проблемы полноценности перевода заключается в том, что ее постановка неизбежно затрагивает вопрос о возможности верно и полноценно выразить вообще то или иное содержание. Вопрос о соотношении между смысловыми возможностями одного языка и определенным содержанием, выраженным на другом, становится частным случаем более общего вопроса о соотношении между средством выражения и выражаемым. Вот почему большой интерес представляет уже и история самого определения полноценности перевода.

Статья А. А. Смирнова «Перевод» содержала такую формулировку этого понятия (обозначенного им словом «адекватность»):

«Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности [путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов подстановок] всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать, выбирая менее существенные элементы текста».

Это определение дает обстоятельный перечень признаков адекватности, охватывая даже и такой субъективно-психологический фактор, как «намерения автора» (в том числе и «бессознательные»), и результат намерений, т. е. идейно-эмоциональное воздействие на

În numeroase lucrări dedicate teoriei traducerii a fost subliniată relativitatea noțiunii de *exactitate*. Această noțiune a fost pusă la îndoială. Până și cuvântul *exactitate* a început să fie folosit tot mai rar, referitor la traducerea textelor literare în literatura teoretică din Rusia ultimelor decenii. Astfel, și-a găsit expresia principiul, just în esența lui, al renunțării la încercările de a se stabili vreo echivalentă absolută între textele scrise în limbi diferite, de a se opera cu vreo unitate de măsură, de-a cântări și de-a măsura. În loc de cuvântul *exactitate*, a fost propus termenul *adecvare*, ceea ce înseamnă *corespondență, conformitate, proportionalitate*. Există însă posibilitatea deplină de a înlocui acest termen străin prin cuvântul rusesc *полноценность* (*polnocennost'*, „identitate valorică, echivalentă”), care, aplicat la traducere, înseamnă: 1) corespondența cu originalul, după funcție (echivalentă redării) și 2) alegerea justificată a mijloacelor de traducere.

Elucidarea problemei de echivalență în traducere atinge, inevitabil, problema posibilității de a exprima fidel și echivalent în general orice conținut, – și tocmai acest aspect constituie importanța ei metodologică. Problema raportului dintre posibilitățile semantice pe care le prezintă o anumită limbă și un anumit conținut exprimat într-o altă limbă devine un caz particular al problemei mai generale privind raportul dintre mijloacele expresive și conținutul exprimat. Iată de ce anume chiar și istoria definirii echivalenței în traducere prezintă un mare interes.

Articolul lui A. A. Smirnov – *Perevod* [Traducerea] – conține următoarea formulare a acestui concept (denumit de autor *adecvare*):

„Trebue să recunoaștem ca adecvată traducerea în care sunt redate toate intențiile autorului (âtât cele conștientizate de el, cât și cele neconștientizate), sub forma unui anumit impact de tip artistic sau emoțional-ideatic asupra cititorului, și în care se păstrează, în măsura posibilităților [prin echivalențe exacte sau substituiri satisfăcătoare] toate mijloacele artistice utilizate de autor, coloratura textului, ritmul etc.; acestea din urmă trebuie considerate însă nu un scop în sine, ci o modalitate de obținere a efectului general. Fără îndoială, în procesul acesta, trebuie să sacrificăm anumite lucruri, dând la o parte unele elemente neesențiale ale textului”.

Definiția aceasta conține o enumerare detaliată a însușirilor traducerii echivalente, cuprinzând chiar și factorul psihosubiectiv, precum: „intențiile autorului” (printre care și cele „neconștientizate”), rezultatul acestor intenții, adică „impactul de tip artistic sau emoțional-ideatic

читателя», и литературные средства, служащие для последнего («ресурсы образности, колорита, ритма и т. д.»). Вполне справедливо оговаривается подчиненное значение этих средств по отношению к основной задаче — «общему эффекту», т. е. правильно ограничивается роль частного элемента в системе целого.

И все же формулировка А. А. Смирнова оставляет чувство неудовлетворенности, не только в силу неопределенности указания на «намерения» автора (в том числе бессознательные), но главным образом вследствие известной половинчатости в вопросе о переводимости. Последняя фраза цитаты — «Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать» — имеет компромиссный характер и приходит в столкновение с большой категоричностью предыдущих указаний на «все намерения автора», «на соблюдение по мере возможности, всех применяемых ресурсов»... Недостаточность определения, даваемого А. А. Смирновым, проявляется в том, что отклонение от оригинала, необходимость «кое-чем жертвовать» упоминается в порядке оговорки, как бы исключения из правила, хотя до этого применяются такие принципиально важные термины, как «эквивалент» и «субститут», говорящие о широком понимании «адекватности».

Это упоминание о «жертвах» в форме такой оговорки тем менее удачно, что они, в действительности, не противоречат принципу полноценности, а прямо предполагаются им. Перевод — это не простое механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный сознательный отбор различных возможностей их передачи. Таким образом, исходной точкой должно считать целое, представляемое оригиналом, а не отдельные его элементы. Могут встретиться и такие случаи, когда переводчик, стремясь воспроизвести все элементы подлинника, утратит главное, а от сложения всех элементов не получится целого и для передачи его потребуются именно сознательные жертвы, даже и за счет существенных черт оригинала, что, однако, поможет воспроизвести его как целое. Другими словами, мастерство перевода предполагает умение не только сохранять, но и жертвовать чем-либо — именно ради более близкого соответствия подлиннику. Самая же необходимость жертвовать тем или иным отдельным элементом как таковым может вызываться языковыми условиями, например, отсутствием слова или фразеологического оборота, соответствующего слову или словосочетанию оригинала как по смыслу, так и по стилистической окраске, расхождением в смысловых

asupra cititorului”, mijloacele literare care contribuie la realizarea acestei traduceri („mijloacele artistice, coloratura textului, ritmul etc”). Totodată, se precizează, în mod just, că aceste mijloace au o importanță secundară în raport cu scopul principal – „efectul general”, adică se limitează clar rolul elementului particular în sistemul întregului.

Cu toate acestea, formularea lui A. A. Smirnov creează un sentiment de nemulțumire, nu atât din cauza referirilor neclare la „intențiile” autorului (printre care și la cele neconștientizate), cât mai ales din cauza impreciziei referitoare la problema traductibilității. Ultima frază din citat – „Fără îndoială, în procesul acesta trebuie să sacrificăm anumite lucruri” are un caracter de compromis, care contrazice spiritul categoric al tezelor anterioare referitoare la „toate intențiile autorului” și la „păstrarea, în măsura posibilităților, a mijloacelor artistice utilizate”... Lipsa de precizie în definiția lui A. A. Smirnov se manifestă în faptul că devierea de la original, necesitatea de a „sacrifica anumite lucruri” fac parte din rândul mențiunilor, fiind un fel de excepție de la regulă, deși până atunci, în mod teoretic, au fost folosiți termeni importanți ca *echivalență* și *substituire*, care indică o înțelegere profundă a noțiunii de *adecvare*.

Precizarea „sacrificiilor” sub forma unor asemenea mențiuni este cu atât mai nereușită, cu cât, în fapt, aceste sacrificii nu contrazic principiul de echivalență, ci i se supun direct. Traducerea nu este o reproducere simplă, mecanică, a tuturor elementelor din original, ci o alegere conștientă și complexă a diferitelor posibilități de transpunere. Prin urmare, punctul de plecare trebuie să fie întregul, reprezentat de original, și nu elementele lui izolate. Se pot întâlni și cazuri când traducătorul, străduindu-se să reproducă toate elementele originalului, scapă din vedere esențialul, iar din adunarea tuturor elementelor nu se obține întregul. Tocmai pentru a reda ansamblul este nevoie de sacrificii conștiente, chiar și cu prețul renunțării la unele trăsături însemnante ale originalului, dar în scopul reproducерii lui ca întreg. Cu alte cuvinte, măiestria în traducere presupune capacitatea nu doar de a păstra, ci și de a sacrifica anumite lucruri, tocmai pentru a realiza o echivalență cât mai apropiată de original. Însăși necesitatea de a sacrifica vreun element izolat poate fi determinată de specificul limbii, de exemplu: de lipsa unui cuvânt sau a unei îmbinări frazeologice, care corespunde elementului din original, atât prin sens, cât și prin colorit stilistic, ori de divergențele

отношениях и т. п. Тем самым более целесообразным представляется следующее определение полноценности (адекватности) перевода:

Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему.

Полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям. Это предполагает использование таких языковых средств, которые, часто и не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, выполняли бы аналогичную смысловую и художественную функцию в системе целого. Для понятия полноценности особенно существенной является передача того соотношения, в котором часть, отдельный элемент или отрезок текста находится к целому.

Полноценный перевод предполагает определенное равновесие между целым и отдельным и, в частности, между передачей общего характера произведения и степенью близости к оригиналу в передаче отдельного его отрезка: ведь те или иные изменения в нем неравноценны друг другу по своему весу в системе целого; короче говоря - одни важнее, чем другие, и степень приближения к оригиналу и отклонения от него в том или ином его месте неизбежно соотносится с ролью этого места, может быть даже с большей или меньшей значимостью отдельного слова. Это значит, что полноценность может не требовать одинаковой степени словесной близости к оригиналу на всем протяжении перевода.

Отношение целого и отдельного так важно потому, что им определяется специфика произведения в единстве содержания и формы. Детально точная передача отдельных элементов, взятых порознь, не означает еще полноценной передачи целого, поскольку последнее не является простой суммой этих элементов, а представляет собой определенную систему. Воссоздание общего содержания и облика произведения, игнорирующее характерные частности, может привести к утрате его индивидуальной окраски и к тому, что по вызываемому впечатлению оно будет совпадать с каким-либо другим, пусть близким, но все же не тождественным произведением литературы. И только отношение между произведением, взятым в целом, и отдельным моментом в нем или частной его особенностью характеризует его индивидуальное своеобразие – как с идеально-смысловой, так и с формальной точки зрения.

semantice și aşa mai departe. Prin urmare, ni se pare mai rațională următoarea definiție a echivalenței în traducere:

Echivalența în traducere înseamnă redarea exhaustivă a conținutului semantic al originalului și corespondența funcțional-stilistică adecvată lui.

Traducerea echivalentă constă în redarea raportului, specific originalului, dintre conținut și formă, prin reproducerea particularităților acesteia din urmă (în cazul unor afinități lingvistice) sau prin crearea unor echivalențe funktionale pentru aceste particularități, ceea ce presupune folosirea unor mijloace care, de regulă, chiar dacă nu corespund la nivel formal elementelor din original, îndeplinește o funcție semantică și stilistică, analogă în sistemul întregului. Pentru noțiunea de *echivalență*, deosebit de importantă este redarea raportului dintre un element sau un fragment izolat și întregul operei.

Traducerea echivalentă presupune un anumit echilibru între parte și întreg, în special între transpunerea caracterului general al operei și gradul de fidelitate față de original, în redarea unui fragment izolat: deoarece cutare sau cutare modificare nu prezintă aceeași importanță în sistemul întregului; pe scurt – unele dintre ele sunt mai importante decât altele, iar, într-un pasaj oarecare, gradul de apropiere sau de abatere față de original se află inevitabil în raport direct cu rolul acestui pasaj, poate chiar cu rolul unui anumit cuvânt din el. Aceasta înseamnă că echivalența nu cere neapărat același grad de fidelitate lexicală față de original pe parcursul întregii traduceri.

Raportul dintre opera întreagă și părțile ei este atât de important, fiindcă el determină specificul operei în unitatea dintre conținut și formă. Redarea exactă a unor elemente izolate nu asigură o traducere echivalentă a întregului, atât timp cât întregul nu constituie o simplă însumare a acestor elemente, ci reprezintă un anumit sistem. Dacă se ignoră particularitățile caracteristice, reproducerea conținutului și a formei generale a operei poate să ducă la pierderea amprentei individuale și să creeze impresia că traducerea coincide cu o altă operă literară, poate foarte apropiată, dar, totuși, nu identică. Doar raportul dintre opera luată în întregime și un aspect izolat al ei ori o particularitate a ei caracterizează specificul său individual – atât din punct de vedere semantic și ideatic, cât și din punctul de vedere al formei.

Изложенное выше понимание полноценности перевода не претендует на универсальное значение как применимое к любым историческим условиям. Оно, прежде всего, не нормативно: оно говорит не о том, каким в любой стране и в любое время должен быть перевод любого произведения любой страны и эпохи, но о том, что следует считать полноценностью перевода; о том же, что сами возможности перевода и представления о них эволюционировали в истории, речь уже была выше.

Такое понимание принципа переводимости и определение адекватности сохраняет силу и на нынешнем этапе развития теоретической мысли. И ему не противоречит, а скорее вытекает из него обозначившийся ныне обостренный интерес к «непереводимому» как в художественном, так и в других видах перевода. Этот интерес, однако, отнюдь не есть возврат к старому пессимистическому взгляду на перевод, к отрицанию переводимости. Авторское предисловие к книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе» (М., 1980) озаглавлено «И непереводимое переводимое», а вся книга — не что иное, как поиски (притом большей частью успешные) и систематизация реально возможных (как в словаре, так и в тексте перевода) соответствий «непереводимым» единицам другого языка — будь то названия специфических для жизни иного народа предметов и явлений (так называемых реалий, о которых см. в следующей главе), национально специфические фразеологизмы, обращения, звукоподражания и междометия, каламбуры и т. п. Такой же направленностью отличаются и другие статьи, перечисленные ниже.

Это можно считать свидетельством того, что изучение перевода достигло за последние годы более высокой ступени, на которой становится своевременным и целесообразным анализ сугубо специфических элементов другого языка, считавшихся наиболее трудными для перевода или прямо непереводимыми. А значение, которое они представляют для исследователя, характеризуется афоризмом Гёте, выбранным С. Влаховым и С. Флориным в качестве эпиграфа их книги: «При переводе следует добираться до непереводимого, только тогда можно понастоящему познать чужой народ, чужой язык». Мысли, выраженной здесь, отвечает и упомянутое уже актуальное для теории перевода понятие фоновых знаний.

Interpretarea traducerii echivalente, expusă mai sus, nu pretinde să aibă o valoare universală, aplicabilă în orice condiții istorice. În primul rând, ea nu este normativă: nu spune cum trebuie să fie în orice țară și în orice perioadă de timp traducerea unei opere din altă țară și din altă epocă, ci descrie ceea ce trebuie să înțelegem printr-o traducere echivalentă; iar despre faptul că atât posibilitățile traducerii, cât și concepțiile asupra ei evoluează în decursul istoriei, am vorbit mai sus.

O astfel de interpretare a principiului traductibilității și definiția traducerii echivalente sunt valabile și în etapa actuală a dezvoltării gândirii teoretice. Iar interesul intens pentru „intraductibil”, atât în traducerea literară cât și la celealte tipuri ale ei, care se manifestă acut astăzi, nu contrazice această interpretare, ci decurge din ea. Interesul menționat nu semnifică în niciun caz întoarcerea la pozițiile vechi pesimiste în ceea ce privește traducerea, adică la negarea traductibilității. Prefața autorilor Vlahov și S. Florin la carte *Neperevodimoje v perevode* [Intraductibilul în traducere] (Moscova, 1980) este intitulată „Și intraductibilul este traductibil”, iar toată cartea nu este altceva decât o căutare (în ceea mai mare parte reușită) și o sistematizare a echivalențelor reale posibile (atât în dicționare, cât și în textul traducerii) pentru unitățile „intraductibile” din cadrul unei alte limbi – fie ele obiecte sau fenomene specifice pentru viața unui popor (aşa-zisele realia, care vor fi discutate în capitolul următor), fie frazeologisme cu specific național, formule de adresare, forme onomatopeice și interjecționale, calambururi etc. Această orientare este caracteristică și pentru alte articole, menționate mai jos.

Așadar, putem constata că, în ultimii ani, cercetarea traducerii a ajuns la un nivel mai înalt, iar datorită acestui fapt devine actuală și necesară analiza elementelor specifice ale altel limbii – celor mai grele pentru traducere sau cu totul intraductibile. Valoarea lor pentru un cercetător se poate caracteriza prin aforismul lui Goethe, pe care S. Vlahov și S. Florin îl folosesc ca epigraf la carte lor: „În procesul traducerii trebuie să ajungem la intraductibil, doar aşa se pot cunoaște cu adevărat un popor străin, o limbă străină”. Acestei idei îi corespunde, de asemenea, conceptul foarte actual pentru teoria traducerii, pe care l-am menționat anterior, și anume – cunoștințele de fond cultural.

По отношению к художественному переводу вопрос стоит еще более сложно, так как дело в нем не ограничивается — с точки зрения переводимости — только что перечисленными национально специфическими языковыми единицами. Левон Мкртчян, автор ряда книг, посвященных, главным образом, переводам поэзии, в одной из своих статей указал, в частности, на то, что «слова в разных языках по-разному окрашены», и также подчеркнул противоречие между переводимостью и непереводимым:

«Мы, теоретики перевода, любим говорить об адекватности перевода оригиналу, но мы не хотим говорить о том, чем перевод отличается от оригинала, чем он не может не отличаться. Другой язык! Не значит ли это, что переведенная книга (хотим мы того или нет) становится несколько иной, другой? Надо об этом писать, а не делать вид, что книги (и слова в этих книгах) существуют автономно от культуры данного языка в целом. Таких книг нет. И всецело отстаивая принцип переводимости, мы не должны делать вид, будто всё переводимо».

Противоречия тут, однако, нет. Последняя фраза цитаты содержит достаточно острую формулировку, но ее еще можно было бы заострить, сказав: концепция переводимости достигла сейчас такой степени зрелости, что актуальнейшей задачей сделался анализ явлений непереводимости и что от результатов этого анализа во многом, зависит дальнейшее развитие теории и возможность получения положительных результатов.

Referitor la traducerea artistică, problema se complică și mai mult, deoarece aceasta nu se limitează – din punctul de vedere al traductibilității – doar la unitățile lingvistice specifice naționale, pe care le-am enumerat mai sus. Levon Mkrtčian, autorul unei serii întregi de cărți consacrate în mod preponderent traducerii în versuri, a arătat, printre altele, în unul dintre articolele sale, că de fapt „cuvintele din limbi diferite sunt nuanțate în mod diferit”, și a subliniat, de asemenea, următoarea contradicție dintre traductibilitate și intraductibil:

„Nouă, teoreticienilor traducerii, ne place să vorbim despre caracterul adecvat al traducerii față de original, dar nu vrem să arătăm prin ce diferență traducerea de original, prin ce aspecte nu poate să nu difere. O altă limbă! și asta nu înseamnă oare că, dincolo de intenție, cartea tradusă este puțin diferită, devine o altă carte?

Despre aceasta trebuie să scriem, în loc să ne prefacem că în traduceri cărțile (și cuvintele din aceste cărți) există independent de întreaga cultură a limbii respective. Asemenea cărți nu există. Dar, apărând cu orice preț principiul traductibilității, nu trebuie să ne prefacem că totul este traductibil”.

Aici însă nu există nicio contradicție. Ultima frază din citat conține o formulare destul de inspirată, pe care am putea-o face, totuși, și mai relevantă, afirmând că acum concepția traductibilității a ajuns la un nivel atât de înalt de maturitate, încât analiza intraductibilității a devenit unul dintre obiectivele cele mai actuale, iar rezultatele acestei analize sunt fundamentale pentru dezvoltarea ulterioară a teoriei și pentru obținerea unor rezultate pozitive.

Tradus din limba rusă de/Перевод с русского языка

Valentina Shiryaeva și Richard Sârbu